

События и персонажи этого романа являются плодом воображения автора. Любые совпадения с реальными людьми и событиями случайны.

Моим родителям Клаудии и Франко

И дорогому Джузеппе, веселому другу.

Мне тебя не хватает

*Есть те, кто любит все на свете.
Кого влекут бескрайние просторы.
Я же люблю лишь тебя,
я остановлюсь
и подарю тебе
все, что осталось
от моей юности.*

СЕРДЖО ЭНДРИГО. *Io che amo solo te* *

* «Io che amo solo te» (итал. «Я, любящий только тебя») — сингл автора и исполнителя песен Серджо Эндриго (1962). — *Здесь и далее прим. пер.*

Пролог

Пять лет назад День, который все изменил

22 сентября 1953 года

В первый раз на звонок никто не ответил.

— Зачем я купил им телефон, если они никогда не отвечают? — проворчал Ренато, вешая трубку.

— Хватит уже, люди ждут, — его жена Марианна окинула взглядом очередь, растянувшуюся на полмагазина.

— И что с того? Всем приспичило звонить прямо сейчас?

— Но мы же сегодня с ними увидимся... К чему такая спешка?

Ренато нахмурился, снова снял трубку и набрал номер.

— Я буду звонить до тех пор, пока они не поднимут задницы и не подойдут к телефону. Время обеда, где им еще быть, если не дома?

Он прождал долгих шесть гудков, прежде чем наконец услышал:

— Алло?

— Могу я узнать, почему вы так долго не отвечали?

— Папа, мы обедали... — попытался оправдаться Джузеппе.

— На фабрике все в порядке?

— Вас не было всего четыре дня, что могло случиться?

— С тобой никогда не знаешь, — возразил Ренато.

Жена посмотрела на него укоризненно и махнула рукой, как бы говоря: «Отстань ты уже от него, наконец».

— Передай трубку моим внукам, — велел Ренато.

— Хорошо, сейчас позову, — пробормотал Джузеппе.

В трубке слышались удаляющиеся шаги, а затем слова: «Ребята, дедушка звонит», и сразу же раздались радостные крики и топот детских ног. Ренато был уверен, что это неслетя Аньезе, и улыбнулся, представив, как она нетерпеливо перебирает по полу пухлыми ножками.

— Дедушка! — воскликнула девочка. — Когда вы вернетесь?

— Эй, дай мне тоже послушать, держи трубку посередине, — завопил ее брат Лоренцо. — Привет, дедушка! Я тоже тут! Как прошла ярмарка?

Ренато усмехнулся и жестом пригласил Марианну подойти ближе.

— Скоро выезжаем обратно, — ответил он. — Через несколько часов будем дома.

— Так долго ехать? — переспросила Аньезе.

— Бари далеко, тупица! — вмешался Лоренцо.

— Не называй меня тупицей! — возмутилась девочка.

— Эй вы, там, не ссорьтесь, — весело сказал Ренато. —

У меня для вас хорошая новость, нет, даже замечательная: мы с бабушкой все распродали! Возвращаемся домой с пустыми руками. Вы бы только видели... на третий день у нас уже закончились запасы «Марианн»!

Он отправил воздушный поцелуй Марианне, а та улыбнулась ему в ответ. «Марианн» — так называлось мыло, носившее имя его жены, но на французский манер, чтобы всем было понятно, что оно ничем не хуже знаменитого марсельского мыла. Ренато создал его специально для нее, единственной женщины, которую он любил в жизни. Мыло было маленьким и квадратным, с нежным ароматом талька и изящной буквой «М», выдавленной в центре. Мыло «Марианн» быстро стало самым популярным продуктом мыловаренной фабрики «Дом Риццо».

Внуки завопили от радости, и Ренато пришлось отвести трубку от уха, чтобы они не оглушили его своими криками.

— Значит, нам надо сделать еще целую гору мыла! — сказал Лоренцо.

— Да! Мне уже не терпится! — воскликнула Аньезе.

Ренато улыбнулся.

— Завтра, завтра, — ответил он.

— Да сколько можно? Мы тут скоро состаримся, пока ждем, — пожаловался мужчина в шляпе и жилете, говоривший с сильным барийским акцентом.

Ренато жестом послал его к черту.

— Ребята, нам пора. Увидимся позже, — вмешалась Марианна и примирительно улыбнулась мужчине в шляпе.

По дороге к машине они прошли мимо павильонов, в которых выставлялись мыловары со всего региона. На мгновение Ренато бросил взгляд на большой павильон, над которым висела надпись «КОЛЕЛЛА»: покупатели буквально брали его штурмом.

«Мы тоже когда-нибудь так расширимся», — подумал он, почувствовав укол зависти.

Они подошли к синему «Фиату-100», припаркованному на площадке для участников ярмарки, и выехали на дорогу, которая вела к дому, в Аралье, портовый городок на самом юге Апулии.

Ренато открыл окно, и ветер растрепал его густые седые волосы. Рядом с ним Марианна одну за другой вытаскивала шпильки, освобождая собранные в узел волосы.

— Почему ты всегда так суров с Джузеппе? Сегодня ты явно перегнул палку... — пробормотала она, стягивая с ног узкие атласные лодочки черного цвета.

— С ним по-другому нельзя, по-хорошему он не понимает, — строго возразил Ренато. — Видела бы ты его на фабрике: слоняется с такой безразличной физиономией, будто к нему все это не имеет никакого отношения. Если бы не я, кто бы там все контролировал...

Марианна поморщилась и принялась растирать ногу.

— Я знаю, дорогой. Просто дай ему время.

— Время... — повторил Ренато, нахмурившись, и покачал головой, еще крепче сжимая руль. — Он даже не спросил, как прошла ярмарка.

Марианна откинулась на спинку сиденья.

— Зато Анъезе и Лоренцо были так рады... — сказала она, поворачиваясь к нему с легкой улыбкой.

Лицо Ренато тут же разгладилось.

— Мы с ними из одного теста, — сухо ответил он.

Марианна кивнула зевая.

— Ты устала?

— Немного.

— Закрой глаза и отдохни, — сказал он, погладив ее по колену. — Время есть, ехать еще долго.

— Да, мне и впрямь не помешает вздремнуть. Ничего, если я не смогу составить тебе компанию?

Он взял ее руку и прикоснулся губами к шелковой, пахнущей тальком коже.

— Нет, конечно, не волнуйся, — улыбнулся он.

Марианна быстро задремала, склонив голову набок. Ренато смотрел перед собой и вел машину по пустой и прямой дороге. Неожиданно раздался громкий хлопок.

— Что это было? — вскрикнула Марианна, сразу проснувшись.

В этот момент автомобиль резко вильнул и вылетел с дороги.

Послышался удар.

А потом — ничего.

Лето, когда все еще было прежним

Август 1958 года

«Ламбретта», как обычно, капризничала. Во дворе, за портиком родительского дома, Лоренцо продолжал яростно жать на педаль зажигания, но безрезультатно.

— Клянусь, как только получу права, выброшу эту развалюху в море! — вспыхнул он, со злостью пиная обшивку песочного цвета. Он вздохнул, закатал рукава рубашки, обнажая худые руки, и смахнул назад густые черные волосы, которые все время падали ему на лоб.

Из распахнутого окна второго этажа голос Доменико Модуньо во всю мощь пел «*Nel blu, dipinto di blu*»*, счастливо возносясь выше солнца...

— Аньезе! — крикнул Лоренцо, поднимая голову к окну.

Сестра выглянула, упершись руками в подоконник.

— Чего тебе?

* «*Nel blu, dipinto di blu*» (итал. «В синем небе, расписанном синим») — слова из песни «*Volare*» (итал. «Летать») Доменико Модуньо из альбома «*La strada dei successi*» (1958).

— Не заводится, — ответил он с измученным видом и упер руки в бока.

— Ну и ладно. Пойдем пешком, не проблема, — сказала она.

— Каким еще пешком... — пробормотал Лоренцо, поморщившись, и задумчиво закусил нижнюю губу, которая была у него тоньше верхней. Потом снова подошел к «Ламбретте» и стал давить на педаль.

— А бензин-то есть? — крикнула Аньезе.

— Есть, конечно, — ответил он сдавленным от усилий голосом. — Ну же, черт тебя побери!

После очередной попытки мотор «Ламбретты» наконец-то затарахтел. Лоренцо с сияющей улыбкой повернулся к окну.

— Ты готова? Давай, спускайся скорее, пока она снова не заглохла!

— Минуту! — ответила сестра и скрылась.

Аньезе присела на кровать и спешно натянула на ногу левую сандалию. «Вот же черт! Чтоб меня», — подумала она, внезапно замерев. Сняла сандалию и повторила все в правильном порядке: надела сначала правую, а потом левую. Затем встала с кровати, взяла с туалетного столика темного дерева расческу, которая лежала на увесистом, с пожелтевшими страницами пособии по ботанике в твердой обложке, и подошла к напольному овальному зеркалу. Хватило одного взгляда, чтобы понять, что причесываться нет никакого смысла. Ее густые пружинистые волосы еще больше завились от влажности: проведи она по ним расческой хоть раз, и та сразу же застрянет в волосах. Аньезе

кинула расческу обратно на столик, но та ударилась об угол учебника и отскочила на пол. Девушка снова посмотрела на себя в зеркало и провела рукой по лицу. Кожа была суховата на ощупь. «Хм, кажется, я слишком много времени провела на солнце», — подумала она. Но никто этого не заметит, в этом она была уверена: ее оливковая кожа всегда выглядела загорелой. Даже ее полные губы были темнее, чем у многих, оттенка увядшей розы, а лук купидона был настолько четко очерчен, что из него, казалось, вот-вот вылетит стрела.

— Аньезе, поторапливайся! — позвал ее Лоренцо, перебивая голос Модуньо, продолжавшего витать в небесной синеве глаз своей возлюбленной.

— Иду, иду! — Аньезе выключила маленький радиоприемник на тумбочке и стала спускаться по лестнице, все время выставляя вперед правую ногу. Выйдя из дома, Аньезе прошла под портиком и, ускорив шаг, подошла к брату, который ждал ее в седле мотоцикла с сигаретой в руке. — Вот и я!

Она приподняла край платья, которое доходило ей до середины икры, и забралась на кожаное сиденье позади брата.

— Тебе удобно?

— Да-да, поезжай.

Лоренцо зажал сигарету в зубах и, крепко ухватившись за руль «Ламбретты», крутанул педаль и тронулся с места. Аньезе прижалась к спине брата и положила подбородок ему на плечо. Закрыв глаза, она вдохнула его запах: от него пахло тальком, так же, как и от нее.

Этот аромат сопровождал их с самого детства и стал их визитной карточкой. «О, запахло тальком: это Риццо идут!» — посмеивались над ними одноклассники.

Даже сейчас, когда они оба выросли, они продолжали мыться мылом их детства, «Марианн». Лоренцо выехал за ворота семейной виллы и поехал направо, вдоль оливковой рощи. Метров через тридцать перед вывеской «АРАЛЬЕ» он прибавил газу и обогнал голубой «Фиат-500», его рубашка надулась на плечах, словно воздушный шарик. Аньезе посмотрела на себя в зеркальце заднего вида и широко раскрыла глаза от удивления: ее взъерошенные ветром кудри выглядели точь-в-точь как остроконечная верхушка кипариса.

Они ехали вдоль оливковых рощ и полей, пока над бескрайними деревьями не показалось здание фабрики. Огромная вывеска виднелась за нескольких сотен метров: «ДОМ РИЦЦО. Мыловаренная фабрика, открыта с 1920 года».

Лоренцо сделал последнюю глубокую затяжку и бросил окурочек на землю. Перед ними возвышалась арка городских ворот, но парень свернул налево и поехал по дороге, ведущей к порту, вдоль высоких и крепких стен Анжуйского замка с величественными башнями, хорошо видимыми из любой точки Аралье.

— Как, ты сказал, называется фильм, на который мы идем? — спросила Аньезе.

— А я и не говорил, — ответил с улыбкой Лоренцо, слегка обернувшись назад. — Ну ладно, скажу: «Злоумышленники, как всегда, остались неизвестными».

Они проехали порт, где торговые суда и многочисленные рыбацкие лодки покачивались на морской глади, и продолжили путь в сторону набережной.

— И о чем он? — спросила Аньезе.

— Понятия не имею, скоро узнаем. Но режиссер Моничелли! — уточнил Лоренцо.

— Надо же, — пробормотала девушка.

— Ты хоть поняла, кто это?

— Не совсем, — ответила она и показала на зазор между белым «Фиатом-600» и тротуаром. — Там свободное место.

— Вот тупица! Ты же видела столько его фильмов, — шутливо упрекнул Лоренцо.

— Какие же, например? — спросила Аньезе, слезая с мотоцикла, пока Лоренцо заглушал мотор «Ламбретты».

— Ну, разные, с Тото. «Полицейские и воры», «Тото и короли Рима», «Тото и женщины», «Тото и Каролина»... — принялся перечислять Лоренцо, загибая пальцы.

— А, ну да, — коротко отрезала Аньезе. — Но я совсем не нахожу Тото смешным, ты же знаешь.

— Ты ничего не понимаешь в кино, — сказал Лоренцо, улыбаясь ей большими зелеными глазами, потом обнял ее за плечи, и они вместе пошли в сторону летнего кинотеатра под открытым небом. Аньезе напустила на себя обиженный вид, и брату, который был выше ее как минимум сантиметров на двадцать, пришлось нагнуться, чтобы звонко чмокнуть ее в щеку в знак примирения.

— Подожди, — внезапно сказала она, останавливаясь. — Я не проверила, как там мои волосы. — Она попыталась

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru